

Денис Клещев

Топология сакрального пространства-времени и принцип неопределенности

*От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
от Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...*

Вот Царство Русское
(Федор Тютчев)

В исследовании древностей мы сталкиваемся с неопределенностью, подобною той, которая известна физикам, изучающим взаимодействие частиц материи. Возможно, изоморфизм этих двух важнейших направлений познавательной деятельности человека намного глубже, чем это может себе представить историк или физик в отдельности. Разум каждого из них живет в мире научных терминов, названий, символов, знаков настолько различных, что на первый взгляд между этими мирами нет ничего общего. Но если наложить *локу археологии*, в которой пребывает разум историка, на *локу квантовой теории*, в которой обитает разум физика, то в сущности окажется, что это части одного и того же мира, а точнее, некая абстрактная *карта мира*, на которой различаются названия горных хребтов и океанов, но не суть происходящих с ними процессов.

Как нам известно, принцип неопределенности Нильса Бора гласит, что изменение энергии $\Delta(E' - E)$ при переходе из одного состояния в другое за конечный промежуток времени t становится неопределенным, когда параметры изучаемого (то есть *излучаемого*) объекта по величине сопоставимы с постоянной Планка:

$$\Delta(E' - E) \Delta t \sim \hbar.$$

Если Δt — период полураспада или среднее время жизни τ квантового объекта, то вероятность изменения ω обратно пропорциональна этому среднему времени жизни объекта:

$$\tau = 1/\omega.$$

Ровно с такою же проблемой неопределенности сталкивается всякий историк, пытаясь установить время рождения и угасания того или иного народа, той или иной культуры в условиях, когда письменных источников (или основных источников «*излучения*» информации) практически нет, когда существуют лишь косвенные, более поздние данные о некоторых событиях.

Еще более неопределенными являются задачи по установлению времени и места появления человека разумного или самой жизни на земле либо вне ее пределов. Хотя сама формулировка данной задачи о земном или внеземном происхождении жизни теряет привычные критерии определенности, если мыслить ее в реальных пространственно-временных масштабах, в которых наша планета вместе с солнцем несутся со скоростью, близкой к скорости света, вокруг ядра галактики, которое тоже движется в космическом пространстве относительно других скоплений галактик, которые, в свою очередь, тоже движутся... Так что непосредственно для сгустка энергии, обладающего особым свойством жизни и способного (по крайней мере, в простейшей форме) появиться в самых разных уголках бесконечной вселенной, обе эти категории «*земное*» и «*внеземное*» будут неточными, изначально содержащими потенциальную ошибку, а именно, возможность принять то или иное относительно верное суждение за некую абсолютную точку отсчета.

Если на то пошло, то подлинным источником жизни да и вообще всех явлений следовало бы признать *бесконечность*. Впрочем, саму бесконечность в зависимости от склонностей можно представлять по-разному. Другими словами, известные со времен античности математические споры о природе бесконечно больших и бесконечно малых величин тоже коренятся в фундаментальной проблеме неопределенности. Стоит вспомнить, например, парадокс Николая Кузанского, утверждавшего, что прямая линия бесконечной длины является в то же время окружностью бесконечного радиуса. И такое математическое приближение, действительно, существует — насколько оно совпадает с реальностью, это зависит уже от того, как представлять бесконечно малые величины.

Теперь мы можем расширить постановку проблемы и сказать, что принцип неопределенности в физике распространяется не только на параметры квантовых объектов, но и, кроме того, на параметры крупномасштабных структур за пределами наблюдаемой части вселенной. На существование макрофизической неопределенности указывает чрезвычайное разнообразие замкнутых, частично замкнутых и незамкнутых моделей вселенной. При

этом у каждого астрофизика найдется немало доводов в пользу именно своей модели, так что точно определить, как выглядит наша вселенная и (или) параллельные ей вселенные довольно сложно. Здесь астрофизики часто повторяют доводы Николая Кузанского, говоря, что вселенная может иметь бесконечную протяженность (как в стационарной модели Фреда Хойла) и быть в то же самое время конечной и замкнутой (теория Пенроуза-Хокинга).

Другой известный принцип неопределенности Вернера Гейзенберга гласит о том, что существует предел точности для одновременного измерения координаты и импульса в сопоставлении с постоянной Планка:

$$\Delta x \cdot \Delta p \geq \hbar.$$

В этом случае мы не можем зафиксировать сразу и положение, и импульс частицы, так как для измерения сразу двух этих сопряженных характеристик необходимо гораздо больше времени, чем время, в течение которого происходит смещение координаты и соответствующее изменение импульса. Мы можем знать *положение*, но не будем знать точного *импульса* объекта. Мы можем знать *импульс* (того же электрона), но не будем иметь никакой информации о его *положении*.

На языке археологии это означает, что дошедшие до нас устные сведения об исчезнувшей высокоразвитой цивилизации атлантов еще не позволяют определить, где именно могла находиться Атлантида, а точное знание о месторасположении Египетских пирамид не позволяет нам с такой же точностью определить подлинный уровень знаний древних египтян — те возможности, которыми они обладали. Такого рода историческая неопределенность позволяет некоторым авторам высказывать предположения, что древние египтяне пользовались электричеством и даже владели технологиями, в наши дни недоступными. Парадокс в том, что для опровержения подобных гипотез нужны факты, которые наука будет в состоянии предоставить лишь в том случае, если нам, действительно, станут доступны технологии антигравитационных двигателей, подъемных кранов, установок по реинкарнации и прочее.

Пока современная наука не достигла более высокого уровня развития, любые попытки опровержения *сказочных гипотез* или широко распространенной на Западе теории «*палеоконтакта*» тоже будут носить лишь гипотетический (вероятностный) характер. В этом столкновении интересов романтиков и практиков содержится глубокий смысл, поскольку в философии науки всегда существовал и будет существовать не только *позитивный скептицизм*, с помощью которого научное сообщество отбрасывает неуместные, а подчас неугодные гипотезы, но и *негативный скептицизм*, который ставит под сомнение полноту знаний, которыми обладает академическая наука.

Если *позитивный скептицизм* академической науки на любом этапе своего развития, будь то античная наука, средневековая или новоевропейская наука, исходит из того, что уже достигнута необходимая *полнота знаний*, позволяющая ученому судить что возможно, а что невозможно, то *негативный скептицизм*, наоборот, всегда ставил под сомнение полноту и корректность знаний, накопленных наукой. При этом следует признать, что именно *негативный скептицизм* исследователей обеспечивает рост знаний и научный прогресс, а *позитивный скептицизм* выполняет своего рода охранительно-догматические функции. Чтобы осознать огромное значение *негативного сомнения* в науке (в том, что считается «*наукой*» на данном этапе), необходимо понять внутренние источники или то, что заставляет человеческое сознание сомневаться в полноте имеющейся научной картины мира. В самом деле, откуда берется это предчувствие более высоких возможностей нашего сознания?

Именно здесь, на стыке мифологии сознания, истории, математики и физической науки мы наблюдаем интересный феномен возникновения фантазий, творческих идей, сновидений и научных озарений. Оказывается, перечисленные выше психические явления объединяет одна общая черта: они возникают в сознании в результате *заполнения неопределенности*. Чем больший уровень неопределенности требуется заполнить, тем сильнее и ярче оказываются фантазии, идеи, сновидения или открытия. Разумеется, ученого в данном явлении интересует только практический результат, творческого человека — поток впечатлений и мыслеобразов, мистика или теолога — соприкосновение разума с инобытием. Принимая ту или иную сторону, мы всегда будем рассматривать эти явления разрозненно, ходить вокруг да около, не имея возможности заглянуть внутрь этого процесса. Если же мы войдем внутрь и поймем, каким образом происходит это заполнение, в наших руках окажется настоящий «*рог изобилия*», нацеливающий интуицию на поиск и заполнение самых разных неопределенностей. В том числе тех, которые не получается решать стандартными методами.

В психоанализе областью неопределенности является сфера «*подсознания*», «*бессознательного*» или «*коллективного бессознательного*». Эти термины не совпадают с определением «*сознания*» именно потому, что в своем обычном состоянии человеческое сознание работает с детерминированными логическими понятиями и психическими объектами. Движение данных объектов так же четко детерминировано как механическое движение макроскопических объектов. Наше воображение легко конструирует из них фигуры, образы, формулы в таком же

последовательном порядке, который присущ материальному миру вещей. Сознание выполняет такие операции с достаточно большой скоростью. Инженер способен очень быстро решить техническую задачу, музыкант способен на ходу импровизировать мелодию.

Но даже у виртуозных мастеров скорость выполнения операций над детерминированными объектами весьма ограничена. И скорость выполнения сознательных операций резко падает, если человек сталкивается с незнакомыми ментальными единицами. Здесь достаточно вспомнить, как медленно мы читаем в первые годы обучения. Это происходит как раз в силу того, что при обработке малознакомых образов очень велик уровень неопределенности, а для эффективной работы сознания требуется не просто упорядочить элементы (мы же при чтении не вспоминаем расположение букв в алфавите), но именно заполнить неопределенность возникновения всех элементов (научиться читать слогами, словами, а затем научиться угадывать смыслы целых предложений, абзацев, страниц).

Если мы начнем изучать структуру макроскопических ментальных объектов, с которыми работает наше сознание (буквы, цифры, формулы, понятия), то мы обнаружим, что все они состоят из микроскопических атомов и частиц (звуковых волн, точек, линий, допустимых категорий). И уже на этом этапе мы заметим, что один и тот же ментальный объект можно конструировать на разных языках. Например, для конструирования в сознании некоего образа достаточно просто сказать слово «*круг*» или то же самое на немецком языке «*der Kreis*», а можно тот же образ выразить математически лаконичной записью « π ».

Особенность активного творческого сознания состоит в том, что оно постоянно поддерживает связь с «*подсознанием*», поэтому для такого расширенного сознания не существует привычного деления на «*сознание*» и «*подсознание*». Это снимает ряд жестких ограничений — такое сознание способно быстро обрабатывать даже малознакомые и, казалось бы, никак не связанные образы. Так, если обычное детерминированное сознание при чтении слова «*писать*» сконструирует образ пишущего человека или пишущей руки, то активное творческое сознание, владеющее ключами от множества языков, может представить это же слово в виде «*п с ать*», где звук «*п*» будет означать окружность, а звук «*ать*» число «*один*» — как в старорусском счете «*ать-два*». То есть, поскольку предлог «*с*» подразумевает различные отношения между частями высказывания, то и смыслы в этом случае окажутся одновременно различными « $\pi + 1$ », « $\pi - 1$ », « $1 / \pi$ ». Но самое удивительное в том, что слово «*писать*», действительно, означает изображение некоторого «*круга*» явлений. Иначе говоря, это и есть собственно их «*описание*» некоторой личностью или «*единицей*» сознания.

Итак, мы приходим к выводу, что неопределенность возникает как в пространстве (сверхмалые, а также сверхбольшие величины), так и во времени (удаленное прошлое, а также будущее). Недостаток сведений либо невозможность их получения за краткий промежуток времени являются главными причинами возникновения состояний неопределенности. Критическая нехватка времени и средств на изучение объекта, вызывает в наших представлениях как бы изменение физических свойств самого объекта. Мы сталкиваемся с относительностью ментальных представлений наблюдателя: в одних условиях он видит классическую физику (детерминированный язык), в других условиях квантовую (многозначный язык латерального мышления), хотя очевидно, что между ними существует переход, указывающий на общую природу того и другого.

Так, всю нашу классическую физику можно довольно легко представить неопределенной, если попытаться указать месторасположение нашей Солнечной системы, населенной разумными существами на планете Земля, из таких глубин космического пространства, до которых никогда не доходили не то что лучи света от нашего Солнца, но даже волны от нашей галактики и реликтовое излучение от расширяющейся области вселенной. Тогда нам будет казаться крайне маловероятным не то что существование в совершенно пустой для нас области пространства неких расширяющихся галактик, некой звезды и планеты, населенной разумными существами, но даже сама мысль о такой запредельной вселенной окажется для нас фантастической, мнимой, виртуальной, существующей лишь в голове того или иного мечтателя.

Однако, несмотря на возникающую относительность и вариативность ментальных образов, способность нашего сознания к заполнению любых неопределенностей путем интуиции и творчества заслуживает восхищения. Не всегда получаемый нами результат заполнения будет единственно возможным, тем более, нельзя ожидать того, что этот результат будет безоговорочно принят другими. Но если совершенно не обращать внимания на проблему неопределенности, изучая лишь те детерминированные предметы, которые нравятся нашему холодному рассудку, то очень скоро наши ментальные и творческие способности деградируют. Это случается с большинством ученых, которые со временем перестают замечать что-то новое, а затем и вовсе начинают думать, что никаких новых открытий не существует, что они изучили все, что только можно изучить.

Стремление сразу избавиться от всего неопределенного, не вникая в суть философских проблем, весьма свойственно науке, что искусственно ограничивает области, которые способно исследовать наше сознание. И в наши дни мы уже дошли до такого предела, когда в математике, физике, в исторических и психофизических исследованиях дальнейшее игнорирование принципа неопределенности делает неопределенным будущее самой науки. Некоторые ученые, глядя на процесс размывания материалистической парадигмы, склонны драматизировать ситуацию и пугать коллег «концом науки». Такие апокалипсические настроения возникают в академической науке всякий раз, когда происходит смена парадигмы: будь то переход от Аристотеле-Птолемеевой модели вселенной к гелиоцентрической или переход от классической физики к релятивистской. Пожалуй, всю историю науки, словно функцию Дирихле, образованную из «действительных» и пустых «выколотых» точек, можно представить таким чередованием «концов и начал новой науки».

Любопытно, что даже сам исследователь на протяжении всей жизни (и даже после) также представляет собой своеобразный «сгусток неопределенности». По крайней мере, в истории науки известны случаи, когда отвергнутые теории получали в дальнейшем частичное научное подтверждение, а господствующие долгое время «незыблемые теории» признавались через некоторое время «неполными» или даже «ошибочными». Проблема неопределенности и неполноты информации, которой способна располагать детерминированная система, может быть рассмотрена поэтому через призму известной в математике теоремы о неполноте формально разрешимых предложений Курта Геделя. Для выхода из состояния неопределенности и неполноты мы всегда прибегаем к созданию существенно иных условий (изменение системы аксиом). И это происходит не только в математике.

Когда мы сталкиваемся с необходимостью заполнения больших массивов неопределенности, с вопросами, которые не могут быть решены в системе наших представлений и материально-технических возможностей, мы начинаем ставить мыслительные эксперименты. Например, до сих пор «не сидит без работы» демон Максвелла, к помощи которого, порой сами того не замечая, прибегают физики. И не столь важно, что говорят о себе люди, считающие себя «материалистами» или «атеистами». Психическая реальность состоит в том, что их сознание, как в обыденной жизни, так в науке, постоянно использует приемы, запрещенные в системе взглядов, которой они формально придерживаются. В этом же смысле не столь важно, действительно ли древние египтяне получали свои знания от богов или от более древней цивилизации атлантов. Вопрос нужно ставить иначе: а смогли бы древние египтяне построить Великие пирамиды, если бы не верили в существование богов? Что бы они тогда после себя оставили? Разве возникла бы затем древнегреческая культура, впитавшая в себя и образ Атлантиды, царем которой был бог Посейдон? Разве возникла бы современная евро-атлантическая цивилизация, если бы не было тех самых мифов, языка архетипов и символов, существенно расширяющих возможности «обычного сознания»?

Независимо от того, верим мы или нет в реальность ментальных образов и архетипов сознания, изучение древних цивилизаций, фрактальные повторения сакральных элементов в различных культурах свидетельствуют о том, что начальные геометрические, астрономические и другие знания были получены в результате ментальной работы сознания — в ходе развертывания представлений о существовании иных миров, иных знаний, которыми обладали просвещенные мудрецы *золотого века* или *сатья-юги*. В наши дни может показаться, что эти знания о летающих колесницах, о святящихся городах, об эликсирах молодости, о химерических существах были полностью *мнимыми знаниями*, так как ни электричество, ни генетика, ни аэродинамика не могли быть известны бродячим дервишам, аскетам и брахманам, посвятившим себя духовной практике. И все же так называемые *мнимые знания* оказываются поразительно точным воспроизведением вполне реальных знаний, позволивших нам спустя тысячи лет строить космические корабли, неоновые города, скрещивать виды животных и растений, производя гибридные культуры.

Нам кажется, что осуществить переход от «*нещерного материализма*» к сакральным символам и знакам, к простым геометрическим фигурам было очень легко, однако это не так. Ведь уровень неопределенности знаний, с которым сталкивались доисторические мыслители, был вполне сопоставим с той неопределенностью, с которой сталкиваются в современной квантовой физике. Вполне допустимо также сравнить данный переход от «*хаотического зооморфизма*» к сакральным фигурам, пиктограммам и письму с переходом физической системы из квантового состояния в классическое.

Более того, если бы нынешнее поколение физиков обладало такой же феноменальной способностью к заполнению уровней неопределенности, то при описании квантовых эффектов, флуктуаций и взаимодействий частиц мы бы также перешли от вероятностно-статистического языка к более совершенному языку, который позволил бы обнаружить новые подходы в науке. Если верить сообщениям в средствах массовой информации, сходной проблеме посвящен ряд математических работ Григория Перельмана, исследовавшего *механизмы*

заполнения пустот, управляющие — и это, действительно, так — всеми процессами во Вселенной. Поскольку любая пустота n -мерного пространства в момент времени t может оказаться заполненной, то в четырехмерном пространстве-времени мы вполне можем говорить о заполнении неопределенности. То, что в «трехмерных» представлениях наблюдателя воспринимается как *пустота*, в «четырёхмерных» представлениях, охватывающих непрерывность удаленного прошлого и будущего, будет лишь достаточно большой степенью неопределенности, обладающей тем или иным потенциалом заполнения.

Лауреат Нобелевской премии по физике Е.Вигнер указал однажды на следующую закономерность: так как неопределенность измерения количества информации Q_0 в некий момент времени t_0 равна неопределенности измерения Q_t в последующий момент времени t , то «информация, получаемая в более поздние моменты времени, может оказаться менее ценной, чем информация, получаемая в более раннем состоянии системы (вследствие возрастания энтропии), но в принципе количество информации со временем не меняется».¹ Иначе говоря, в эволюционном процессе каждое предыдущее состояние системы уже содержит потенциал всех последующих возможных состояний. Поэтому, если одна из ветвей развития заходит в тупик, эволюция не прекращается, она возобновляется из более ранних форм и вырождается в соответствии с новыми условиями в более сложные формы.

Ценность информации, содержащейся в раннем состоянии, определяется как раз тем, что она обладает более широким диапазоном интерпретаций и, соответственно, применения. Но, пожалуй, самое интересное в том, что существование и распространение наиболее ранней информации в меньшей степени зависит от внешних условий среды: споры простейших организмов могут существовать миллиарды лет в совершенно непригодном для жизни космическом пространстве, зародыш абстрактных представлений о душе, о числе содержится даже в первобытных, материально необустроенных культурах. Отсюда можно заключить, что если бы для нас оказалась доступна самая ранняя информация из всех возможных, мы бы с удивлением обнаружили, что ее существование и распространение, вообще говоря, не зависит от того, произошел или нет Большой взрыв, появилась или нет материальная вселенная. При этом распространение такой «изначальной» информации окажется не зависящим от скорости света, она окажется потенциально содержащейся в любой точке пространства-времени.

Судя по тому, что архетипы сознания проявляются вне зависимости от языка, уровня культуры и эпохи, вне зависимости от индивидуальных особенностей психики и взглядов, которых придерживается человек, в них мы наблюдаем отражение наиболее ранних пластов информации. Подобно многократному повторению простых смысловых элементов в фракталах, они проявляются на различных этапах эволюции научных представлений, а также в ходе философских обобщений и процесса самопознания.

Мировая душа Платона, состоящая из трех частей и заполняющая сосуд Творца вселенной;² разбитые в акте творения каббалистические сосуды-вместилища Света (сфирот), в которые сжалась бесконечность (Эйн-соф); аллегория алхимических сосудов (Тигль, Философское Яйцо, Чаша, Кукурбит, Реторта, Герметическая Печать, Пеликан), отличавшихся как по методам заполнения, так по видам происходящих в них операций и превращений, — в этих и во многих других мифологемах и космогонических образах с различной степенью детализации изображается в сущности один и тот же архетип: способность сознания к заполнению сколь угодно большой неопределенности с получением упорядоченного содержания из неупорядоченного хаоса или пустоты. Тот же самый архетип заполнения пустоты, выраженный в терминах математического языка, мы встречаем при постановке ряда нерешенных фундаментальных проблем и гипотез.

Развитие мышления отдельного человека, эволюция ментальных (в том числе, научных) представлений происходит не случайным образом, она подчиняется законам, которые аналогичны законам конструирования фракталов или химическим законам валентности при образовании белков и молекул из атомов вещества. В архетипах сознания, которые могут выражаться самыми разными последовательностями символов и образов, содержится источник математической интуиции — неуловимого творческого начала математики. Древнейшие архетипы или пласты информации постоянно подсказывают сознанию человека продуктивную мысль, будь то Декартова система координат или идея четырехмерного пространства-времени (М.Аксенов, Г.Минковский и др.).

В самом деле, архаичный солярный символ (крест в круге), древнеиндийская или буддистская мандала, заполненные итерациями смысловых значений, могут быть истолкованы как ментально-историческая проекция

¹ Вигнер Е. Этюды о симметрии. М., 1979. С.143

² Как не вспомнить космогонию Платона, в которой все мироздание производится из трех частей Мировой души, слитых в единую идею Целостного, если все материальные тела в нашей вселенной состоят из трех частиц: протона, нейтрона и электрона. При этом они и другие возникающие в результате взаимодействий частицы, ведут себя так, как если бы они, в свою очередь, состояли из трех кварков, имеющих дробные заряды. Например, разница между протоном (заряд +1) и нейтроном (заряд 0), способных превращаться друг в друга, может быть объяснена заменой одного кварка: $+2/3 + 2/3 - 1/3 = +1$ вместо $+2/3 - 1/3 - 1/3 = 0$.

распространенной в наши дни концепции пространственно-временного континуума, благодаря которой произошел парадигмальный сдвиг в науке XX века. Четыре входа в мандалу тогда станут восприниматься как «прообраз» четырех пространственно-временных координат в стандартной (замкнутой) модели расширяющейся вселенной.

Мандала, изображающая Маха-Меру,
Мировую гору пирамидальной формы

Знаменитый символ Витрувианского человека или индийская Васту-Пуруша мандала, где в объективные параметры мироздания включается образ Наблюдателя можно интерпретировать в таком случае как «прообраз» пятимерного *пространства-времени-сознания*. Еще большую детализацию можно повстречать при изучении Шри Янтры из девяти пересеченных треугольников, образующих настоящий, математически достаточно сложный фрактал (14-угольник из пяти вложенных колец 43 малых треугольников с точкой-каплей *бинду* в самом центре).³ Девять треугольников и точка *бинду* в некотором смысле изоморфичны сосудам сфирот с каббалистической короной *Кетер* на вершине Древа Жизни. Кроме того, абстрактную фигуру Великой Янтры можно воспринимать как архетипическую визуализацию стандартной десятимерной модели теории струн, к которой пришли физики-теоретики XX века, либо как визуализацию некоторой «фрактальной» модели, к которой еще только предстоит прийти в будущем.⁴

Шри Янтра как манифестация единства Шива-Шакти (сознания и энергии)
в процессе возникновения и разрушения материальных форм Вселенной

³ Кулаичев А.П. Шри Янтра: тайны геометрии и сознания // De Lapide Philosophorum, Т.III, 2015. С. 50-102

⁴ Не только пространство, но и все остальные атрибуты в такой модели будут иметь по три измерения. Например, атрибут времени по аналогии с шириной, длиной и высотой евклидова пространства можно условно разделить на три простые измерения: *прошлое, настоящее, будущее*. Точно так же атрибут сознания обычно представляется тремя измерениями: *подсознание, сознание, сверх-сознание* (в восточной традиции место *подсознания* занимает эмпирический разум или рассудок, место *сознания* занимает интуиция).

Выявление на уровне коллективного бессознательного устойчивых архетипических конструкций у людей, принадлежащих различным культурам и эпохам, имеющих различный кругозор и ментальные представления, привело Карла Густава Юнга к предположению, что данные архетипы сознания являются врожденным — то есть генетическим — признаком вида *homo sapiens*. Неврозы и патологические отклонения, возникающие в психике человека, он объяснял разрывом связи между рассудком и духовностью, той самой «*изначальной*» информацией, поисками которой был наполнен смысл жизни предыдущих поколений. Безраздельное господство материализма и диктатура технологий западной цивилизации стали не только причиной морального вырождения современного человека, это есть фундаментальная причина так называемого *глобального кризиса*, информационной и военной агрессии Соединенных Штатов Америки, основного должника в мировой экономике. Другими словами, мы имеем дело с таким же патологическим неврозом, возникшим уже не у отдельного человека, а у всего, так сказать, *мирового сообщества*, разорвавшего связь с глубинными корнями духовности.

Поэтому своеобразным итогом изучения ментальных структур подсознания можно считать следующие слова Карла Густава Юнга: «*Когда я понял, что выражает мандала, я достиг своего конечного знания*». ⁵ Данное утверждение полностью согласуется с мыслью, которую пытался рационалистически обосновать в своем очерке «*Диалектика мифа*» выдающийся русский философ А.Ф.Лосев: «*Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола*». ⁶

Как позже продемонстрировали В.В.Налимов и Ж.А.Дрогалина, эволюция сознания и жизни, в самом деле, невозможна без «*распаковки смыслов*», находящихся в области запредельного *Ничто* или семантического вакуума. Подобно тому, как взаимодействие частиц в квантовой теории поля осуществляется посредством поглощения и испускания виртуальных частиц, по отношению к которым применяется принцип неопределенности Гейзенберга, присущая человеку способность к психическому взаимодействию с окружающим и своим внутренним ментальным пространством в той же мере обусловлена размытостью смысловых значений слов и символов языка. ⁷

В другой своей книге В.В.Налимов конкретизирует понятие запредельности следующим образом: «*Тот поиск смыслов, который ведет личность, приводит ее к соприкосновению с предельной реальностью Мира. И, соприкоснувшись с границей, отделяющей нашу реальность от того, что нам представляется нереальным, человек может иногда воспользоваться тем, что физики называют «туннельным эффектом» и оказаться по ту сторону непосредственно непреодолимого барьера*». ⁸ Таким непреодолимым для обычного сознания барьером выступает вездесущая неопределенность — тайна, покрытая мраком неведения.

Естественно, возникает вопрос: где именно находится область запредельного *Ничто*, благодаря которой наше сознание способно взаимодействовать с крайне размытыми категориями и заполнять сколь угодно большие семантические пустоты? На первый взгляд кажется, что приписывание запредельному сакральному пространству-времени конкретного географического расположения лишено всякого смысла, ведь оно в силу размытости своей информационной природы, находится, прежде всего, в сознании Наблюдателя. Если «*изначальная*» информация потенциально содержится в любой точке пространства, почему же древние греки размещали сакральный центр на вершине Олимпа, индусы — на священной горе *Меру*, материальной проекцией которой выступает гора *Кайлаш*, древние египтяне — в Долине Царей на плато Гизы, иудеи, христиане и древние ханаане — на горе Сион, она же *Мория*?

Почему даже в культурах, располагавших местопребывание богов в недоступных астральных измерениях, на различных уровнях Мирового Древа (скандинавская мифология), а иногда помещавших прародину человека среди звезд (мифология майя, дагонов и др.), возводились сакральные сооружения, определялись священные места, обладавшие вполне конкретным географическим положением? Даже в тибето-буддийском учении *Калачакра*, где напрямую утверждается, что сакральная область *Шамбала* недоступна для сознания человека, погруженного в

⁵ Юнг. К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев. 1994. С.198.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С.36

⁷ И далее: «*Человек при жесткой заданности своих представлений абсолютно не понимал бы другого. Отсюда, кстати, становится понятным и настойчивое утверждение Юнга [Jung, 1965] о том, что архетип определяется прежде всего формой, но не содержанием — это не вид бессознательной идеи. Иными словами, архетип — это только символ, выступающий как ключ, открывающий Семантическую Вселенную, но войти в нее мы каждый раз можем лишь в той степени, в какой подготовлены к этому селективной проявленностью своей семантической размытости. Архетип, по-видимому, может вырождаться, превращаясь во что-то, аналогичное виртуальным частицам. Так открывается возможность взаимодействия человека с семантическим вакуумом через ненаблюдаемые (виртуальные) проявления вакуума. Если в плане физическом любая частица непрерывно испускает и поглощает виртуальные частицы различных типов, то подобное происходит и в плане психическом. Происходящее здесь можно описывать и как непрерывно протекающие флуктуации — функции распределения вероятностей, задающей индивидуальность человека на семантическом поле...*

В повседневной суете мы не ощущаем своей сопричастности семантическому вакууму, но в глубоком сне — сне без сновидений — эта сопричастность иногда приоткрывается. Малопонятные нам явления такого типа, как предчувствия, телепатия, озарение, могут быть интерпретируемы как взаимодействие психики человека с флуктуациями семантического вакуума. Не напоминает ли все это, хотя бы внешне, взаимодействие физических частиц с флуктуациями физического вакуума?» (Nalimov V., Drogalina J. Realms of the Unconscious: The Enchanted Frontier. Philadelphia, Pa.: ISI-Press. 1982).

⁸ Налимов В.В. Спонтанность сознания. М, изд. «Прометей», 1989. С.251

созерцание материальной действительности, и может открыться только духовному взору просветленного йогина, мы обнаруживаем проекцию священной страны двадцати пяти шамбалинских царей *Ригданов* и семи *Шойжалов* на резиденцию Далай-лам Лхасу.⁹

В самом деле, почему существование любой достаточно сложной культуры невозможно без наделения устойчивым сакральным смыслом тех или иных географических объектов? Будь то Вавилон, Мекка, гора Синай, Дельфийский оракул или остров Рюген, где располагался крупнейший комплекс поклонения славяно-балтийских и скандинавских племен, — всюду процветание, трансформация и упадок культур неразрывно связаны с географией, в которой естественным образом отображалась сакральная топология пространственно-временных структур. И сразу, как только исчезал, забывался, перестраивался либо разрушался конкретный объект сакральной географии, тут же происходила деструкция либо кардинальное преобразование всего образа жизни, менталитета и языка этнических групп. Не являются ли великие пророки, оракулы, жрецы, духовные лидеры преобразователями той запредельной сакральной топологии, от которой зависит жизнь — иначе говоря, протяженность во времени — различных культур и в целом эволюция человеческого сознания?

Вопросов, сопряженных с этой тематикой, возникает очень много, и далеко не все из них можно ставить без предварительной подготовки. Хотя некоторые находятся на поверхности. Например, почему изучение одних сакральных центров официально одобряется, а про существование других замалчивается так, чтобы в массовом сознании возникла искаженная картина исторического и культурного развития цивилизации? На Урале близ города Калата (Кировград) еще в 1890 году был обнаружен Шигирский идол, возраст которого — 11 тысяч лет — был установлен недавно, что характерно, германскими археологами. До этого отечественные и зарубежные специалисты относили его на вскидку к периоду неолита (V тыс. до н.э.), к эпохе бронзы (II тыс. до н.э.) или к раннему железному веку (I тыс. до н.э.).¹⁰ Очевидно, что обработать лиственницу и сделать на твердой древесине рельефную резьбу каменным орудием практически невозможно. Более того, чтобы изобразить шесть ликов на фигуре одного сверхъестественного существа, необходим достаточно высокий уровень абстрактного мышления: для сравнения стоит заметить, что библейский единый Бог в книге Бытия тоже назван множественным числом *Элохим* по числу шести дней творения (в совокупности с субботой архетип *семи ангелов Божиих*), впрочем, древнегреческих титанов, рожденных богом Ураном, тоже было шесть. Однако, разумеется, ни в одном учебнике мы не найдем упоминания о Шигирском идолу, стоявшем далеко на Урале за тысячи лет до Египетских пирамид.

Так складывается устойчивый стереотип, что одни народы имеют «исключительное» право на обладание сакральным центром, порой целиком заимствованным, а другие народы лишаются аналогичной возможности, часто под весьма надуманным предлогом. Например, Елисейские поля, Елисейский квадрат и Елисейский дворец, представляющие собой метаисторическое сердце Парижа, были безо всяких обременительных изысканий взяты из древнегреческой мифологии, располагавшей Острова Блаженных (*Элизий*) за великой рекой Океан, опоясывавшей землю. При этом никто в научном мире не возмущается и не обвиняет французских мыслителей в искажении культурно-исторического пространства-времени, в создании явно мифологизированного образа своей столицы. Но когда русские исследователи, ссылаясь на те же источники и на вполне реальный факт существования торгового пути «из варяг в греки», отголоски которого мы находим уже в легендарном походе аргонавтов, приходят к выводу, что гиперборейцами древние эллины называли племена, населявшие территорию современной России, то на них сразу начинают навешивать порочащие ярлыки, а некоторых так и вовсе убивают, как был убит руководитель Кольской экспедиции Александр Барченко.

Тем более странно читать в учебниках заявления о том, что славяне появились лишь в первых веках нашей эры, позже всех «европейских народов», и это при том, что по своей архаичности славянские диалекты вполне сопоставимы по времени возникновения с древнеиранским. Это подтверждается и большой распространенностью среди славян палеогенетических гаплогрупп R1 и R1a, связанных с ареалом ведической культуры, и обнаружением во Владимирской области стоянки Сунгирь, возраст которой оценивается от 40 до 70 тыс. лет до н.э., когда число людей современного типа исчислялось несколькими десятками семей.¹¹ Причем, уже тогда средний объем мозга сунгирского человека был больше, чем у нынешних *homo sapiens*, а ведь объем мозга не может увеличиться сам по себе, для этого необходимы тысячи лет непрерывного совершенствования абстрактных и духовных представлений, языка, аналитических способностей, памяти. Несмотря на все это, любые исследования, указывающие на сходство славян с чертами сунгирцев, скифов или сармат (вообще любых бесследно «исчезнувших» племен), попадают под негласный академический запрет.¹²

⁹ Стрелков А.М. Легенда о Шамбале буддийского учения Калачакра. Улан-Удэ, 2010. С.111

¹⁰ Виноградова П. Прадедушка пирамид // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.21168, 17.09.2015

¹¹ В этих расчетах, разумеется, не учитывается вероятность массового вымирания достаточно больших человеческих популяций в результате эпидемий или природных катаклизмов.

¹² Возникает ситуация, когда любому европейцу разрешено отождествлять своих предков с племенами, обитавшими на территории Евразии, а нам это строжайше запрещается. При этом западная наука создает логические «ножницы», одновременно критикуя и теории автохтонности славян, и теории культурно-этнического взаимодействия славян с пеласгами, этрусками, иранцами или индусами. Такого рода логическими «ножницами» вырезается пространство-время не только славяноязычных народов, но и практически всех этнических общностей Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии. Пользуясь тем, что в период христианизации были уничтожены древнейшие памятники, западноевропейская наука рекомендует нам теперь поверить в чудо: будто славяне появились (ни с Запада — ни с Востока, ни Севера — ни с Юга, а буквально из ниоткуда) в V-VI веках нашей эры и расселились в течение пары веков по всей центральной и восточной Европе.

Если взглянуть на средневековые карты, можно обнаружить еще одну весьма любопытную закономерность, скрываемую от обывателя: оказывается, сами европейцы во времена Парацельса и Нострадамуса ассоциировали с гиперборейцами население Московии, живущее на просторах Великой Тартарии. Почему же сейчас употребление слова «гиперборейцы» вдруг оказалось вынесено за рамки нашей культуры? Почему за рамки нашей культуры теперь вынесли даже Киевскую Русь (с соответствующим сакральным центром крещения) — ту самую Русь, за которую рекой лилась кровь наших предков?

На картах XVI-XVII веков область между Танаисом (Дон) и Волгой зачастую называли Гипербореей. Следует заметить, что там же находится и город Тула. В «Географии» Страбона словом «Thule» или «Фуле» названа самая северная оконечность исследованной древними эллинами Ойкумены.

Из «Всеобщей Космографии» Себастьяна Мюнстера (1550).

Не менее любопытны карты, на которых земли, прилегающие к реке Обь, названы Лукоморьем, сакральный образ которого был сохранен в нашем сознании благодаря сказкам, рассказанным А.С.Пушкину его няней Ариной (Ириньей) Родионовной, коренной уроженкой Русского Севера.¹³

Из «Космографического Атласа» Герарда Меркатора (1595).

По одну сторону от реки Обь, впадающей в Карское море (Скифский Океан), расположено место поклонения богине с двумя детьми (Zolotaia baba idolum). По другую сторону Оби — земли Лукоморья. Заметим, что само русло Оби в этом месте раздваивается, образуя многочисленные острова. Они могли восприниматься греками как царство Кроноса или Острова Блаженных (Элизий). Далеко не случайно в сказках Русского Севера сохранился образ Царевича Елисея. Западнее от идола расположены Уральские горы, названные Рифейскими или Гиперборейскими. Еще западнее Новая Земля изображена как часть полярного континента. На то, что сам Герард Меркатор считал континент гипотетически существовавшим указывает, например, то, что на карте Арктики в том же самом атласе 1595 года Новая Земля от него уже отделена.

¹³ Существование русских сказок о сибирском Лукоморье представляет собой отдельную тему для исследований, так как среди народов Урала и Сибири во время походов Ермака история упоминает племена, прекрасно понимавшие по-русски и выступавшие в роли «толмачей» (переводчиков).

Двойные стандарты действуют не только, а может, не столько в международной политике, они коренятся и формируются в культурно-историческом и сакрально-мифологическом измерении. Так было во все времена. Историкам известны случаи, когда великие победы одних племен присваивались правителями совершенно других народов, когда с помощью преднамеренного искажения информационного поля обреталась власть над самыми непокорными и свободолюбивыми племенами. Если внешне технологии манипуляции массовым сознанием сейчас сильно изменились, то суть осталась прежней — любая трансформация сакрально-мифологического пространства неизбежно влечет за собой вполне осязаемые материальные преобразования и реальные исторические события.

Когда в Европу на протяжении веков вывозятся памятники Древнего Египта, Греции, Вавилона, Индии, когда террористические организации, созданные спецслужбами Запада, взрывают буддистские святыни или храмы в Пальмире, возникает не просто новая географическая реальность: на месте, где существовала высокоразвитая культура, происходит формирование принципиально иного будущего, в котором будут царить лишь хаос, смерть и запустение. Ибо без памяти о священных местах, без отображения на земле топологии сакрального пространства-времени разрывается нить, связующая нас с глубинными коллективно-бессознательными корнями, с духовным наследием предков. Одновременно прерывается и родовая связь, стирается генетический маркер этносов, самый образ и даже язык народностей.

Волей-неволей начинаешь задумываться, а может, и в самом деле западная академическая наука просто не может простить русским «*кацапам, ватникам и недочеловекам*» того, что в античных источниках «*всякие там одрисы, самофракийцы, элевсиняне и гиперборейцы причислялись к древнейшим и мудрейшим народам, а иудеи не удостоивались*»?¹⁴ Ведь то, что на словах всякий ученый заявляет о своей объективности и непредвзятости, отнюдь не означает, что он хотя бы раз пытался заглянуть в свое собственное подсознание, что он имеет хотя бы смутное представление о господствующих в его подсознании мифологемах. Парадокс в том, что иногда выбор той или иной мифологемы, которую с одержимостью начинает критиковать рассудок ученого, как раз указывает на сильнейшую зависимость его подсознания именно от этой мифологемы, влияние которой мешает рассудку детерминировать окружающую реальность. Отсюда, вероятно, проистекает не только *атеистическая* или *христианская* критика всякого иноверия, но и широко распространенные массовые психозы, такие как *антисемитизм* или *русофобия*, захлестнувшая с небывалой силой всю современную Европу и Соединенные Штаты Америки.

Господствующие на уровне подсознания мифологемы не позволяют смириться человеку, относящему себя к западной цивилизации, с теми выводами, которые были получены носителями древнегреческой культуры безо всяких там генетических экспертиз, поскольку в их преданиях перворожденные боги титаны продолжали обитать в безднах Тартара. Так, к поколению первых богов титанов относилась светловолосая богиня любви Афродита, имя которой содержит корень «*род*». Титанидой считалась богиня Лето, дочь Коя и Фебы, родившая от Зевса двух близнецов: непорочную деву-охотницу Артемиду и Аполлона Гиперборейского. Несмотря на то, что древние греки связывали происхождение Аполлона с северной страной Гипербореей, в европейской науке укоренилось мнение, будто «*очаг культа*» находился в Малой Азии.¹⁵ Такой односторонний подход очень удобен, так как позволяет уклониться от неудобного вопроса: а куда, собственно, мог улетать Аполлон каждую зиму на полгода? Уж не за Рифейские ли горы, где в древности почиталась скала в виде богини с двумя детьми — вулгаризированный *идол Золотой бабы*, она же Лето с Атремидой и Аполлоном.¹⁶

¹⁴ Фрагменты ранних греческих философов / Под общ. ред. И.Д.Рожанского. Ч.1, М., 1989. С.71

¹⁵ См. одноименную статью «Аполлон» в русскоязычной Википедии. Безусловно, такое мнение имеет право на существование, поскольку храм Аполлона существовал в Илиаде, и считается, что бог Аполлон помогал троянцам во время Троянской войны. Однако у нас нет причин для того, чтобы считать себя большими «*эллинами*», чем сами древние греки, и отвергать, вопреки их многочисленным свидетельствам, северное происхождение Аполлона. Ведь и троянцы во II-III тысячелетии до н.э. могли заимствовать распространенный культ у северных соседей либо непосредственно вести свое происхождение от гиперборейских племен.

¹⁶ На заимствование поклонения Аполлону из гиперборейской культуры указывает уже сама легенда о строительстве Дельфийского оракула, сооруженного гиперборейским жрецом Оленем (как вариант — самим Аполлоном, который строил храм из рогов лани в четырехлетнем возрасте). Однако этимологию имени «*Аполлон*» разрешено искать только в греческом языке, при этом получается нечто необъяснимое и вялое (вроде *ἀπὸ λέω*, «*отрацающий*»), никак не связанное с древнейшим значением — олицетворение Солнца. В то время как в славянских диалектах слово «*Аполлон*» указывает на корень *Апл*, соответствующий словам «*польмя*», «*пыл*», «*опалать*», «*опалаяющий*». Для носителей славянских диалектов любые формы записи этого слова будут интуитивно понятны — *Аполлон*, *Аполло*, *Опаллон* — «*заставляющий пылать*». Через такого рода славянскую этимологию отчетливо прослеживается связь с солярным значением бога и его эпитетом Феб — «*сияющий*».

Помимо прочего, древнеславянское происхождение позволяет связать значение имени бога Аполлона со значением имени его сестры Артемиды, которая считалась олицетворением Луны: *Артемид* ← *Яр-Темид*, то есть буквально «*затемняющая свет*». Из всех выдвигаемых версий только древнеславянские корни позволяют рассматривать в едином смысловом поле рождение *Аполлона* и *Артемиды* от *Лето* на «*плавающем*» острове Делос (с греч. «*являющийся*», «*делающийся*»). Ведь, казалось бы, ну очевидная нелепость — плавающий остров, который появляется в разных частях мира! Именно на этот остров вдруг попадает скитающаяся богиня Лето, рождая сначала Артемиду, а через час Аполлона, после чего весь остров начинает сверкать в солнечных лучах.

Однако если допустить, что в этой аллегории описан процесс солнечного затмения, то все встает на свои места: «*плавающий*» остров Делос, действительно, перемещается, так как меняются области, где видны солнечные затмения. Полное солнечное затмение (*Яр-Темид*) длится около часа, после чего вновь рождаются сияющие лучи света (*Аполлон*). При этом богиня *Лето* и есть славянское *лето* (то есть год). В год можно наблюдать несколько солнечных затмений, одно из них, как правило, полное. Наблюдение такого затмения на острове Делос, а через четыре года в Дельфах объясняет возникновение мифа о четырехлетнем боге Аполлоне, убивающем в Дельфах змея Пифона. Добавим, что главный атрибут богини *Лето* — сакрально-мифологический образ *репы* — характерен только для северных земледельческих культур, где циклы выращивания репы ассоциировались с летними месяцами года (тот же смысл у русской народной сказки «*Посади дед пенку*»).

Кстати говоря, имя титана Кой или, что для славян то же самое, Кйй также находит свое соответствие в древнейших пластах праславянской культуры. Имеется в виду легенда о некоем Кие, отпрыске библейского Ноя, основавшем город Киев. Разумеется, восточные славяне вели родословную не от библейского Ноя, а от Дажьбога, живущего в стране Сварога, где никогда не заходит солнце (она же индийская *Сварга-лока* или *Сварга-раджа* — небесный мир). Так что, судя по совокупности данных, за переименованной в «Повести временных лет» легендой скрывается бытовавшее некогда на киевских холмах поклонение Кйю — отпрыску Дажьбога (он же бог Уран в древнегреческой мифологии) — *Киев* и есть *Коев*.

Вообще, сохранившиеся сведения о прямой взаимосвязи древнегреческих и гиперборейских богов можно считать бесценными, поскольку в них на редкость честно отражается историческое заимствование и вторичность до сих пор живущих в сознании европейцев мифологем из более ранних, относящихся к общим индоевропейским коням. Архетипические образы циклопов, гекатохейров, гарпий мы в настоящее время тоже можем обнаружить в индийской и тибетской культуре: медитирующие боги с гипертрофированным третьим глазом, многорукие формы бодхисатв, небесная птица Гаруда. Конечно же, все эти образы совершенствовались в каждой культуре по-своему. Было бы большой ошибкой абсолютизировать их общие архетипические корни.

Однако обнаружение общих черт предполагает наличие переходных форм или, точнее, некоторого свободно стоящего мифологического сознания. Такого сознания, где Восток и Запад, вопреки известному утверждению Киплинга, встречаются, сосуществуют и творчески дополняют друг друга. По всей вероятности, как раз таким расширенным мифологическим восприятием обладали праславяне и гиперборейцы. Ведь ясно, что для архаичной гиперборейской культуры вершина Олимпа не могла быть обителью богов, тем не менее, между гиперборейцами и эллинами существовало редкое единодушие и взаимное признание действующих мифологем. Ведь ясно, что гора *Кайлаш* не могла быть для древних славян центром мироздания, тем не менее, элементы индуизма и ведических представлений явственно ощущаются в праславянской культуре.

Для того, чтобы могло существовать настолько расширенное восприятие архетипов, которое открывало бы возможность для сосуществования совершенно различных сакральных центров не в ущерб уникальности народов Земли, которое бы не искореняло многообразие накопленного духовного опыта, не разрушало бы сакральные структуры, а наоборот, всячески поддерживало бы их сохранение, необходимо, чтобы география священного места в таком коллективном бессознательном не совпадала с ареалом обитания конкретного исторического народа. Она должна быть именно что *неопределенной*. Если так можно выразиться, это должно быть «*то, не знаю что, там, не знаю где*» — неопределенность, помноженная на неопределенность. Именно такой принцип действует в глубинах человеческого сознания: любой уровень неопределенности можно преодолеть, наделив саму неопределенность свойством *неопределенности*. Лишь тогда в топологическую структуру сакрального пространства-времени можно вписать практически любой ментальный образ на протяженности всех исторических эпох, включая мифологемы давно исчезнувших рас и цивилизаций, знания народов далекого будущего: и вершины Олимпа, и пирамиды Гизы, и гору Сион, и точку сингулярности.

В качестве примера такого расширенного восприятия можно привести Голубиную книгу, один из немногих уцелевших текстов, отображающих древнерусскую сакральную топологию. На вопрос: которая Гора всем горам

мать, большинство списков стиха о Голубиной книге отвечает:

Өаворъ гора всѣмъ горамъ мати.

Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,

Исусъ Христосъ, Царь небесный свѣтъ,

Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ

Съ дванадесятью Апостолами,

Показаль славу ученикамъ своимъ:

Потому Фаворъ гора горамъ мати.¹⁷

В этом месте комментаторы указывают на очевидное незнание библейского сюжета русскими сказителями, верившими в то, что на горе Фавор преобразился не только Иисус Христос, но Петр, Иоанн, Иаков с двенадцатью апостолами. Мало кто задается вопросом: откуда могло происходить такое «искаженное» народное верование? Ведь оно было достаточно устоявшимся, а значит, в нем отражались ментальные представления, бытовавшие до крещения Руси. Об этом свидетельствует как выборочное упоминание Петра, Иоанна и Иакова, словно под ними подразумевались другие, хорошо известные славянскому язычеству образы, так видоизменения в названии горы

Фавор, встречающиеся в различных списках: «Фаворъ, Фаоръ, Фагоръ, Хаворъ, Фангоръ, Хвангуръ, Хварсъ,

Харгоръ, Варгоръ и Горъ-горъ».¹⁸

Причем в двух списках вместо горы Фавор местом преображения Иисуса названа гора Сион, что проф. В.Н. Мочульский объясняет вытеснением горы, где была принесена бескровная жертва Мелхиседека, горой Сион, где были установлены христианские таинства Евхаристии по чину Мелхиседека.¹⁹ Однако, судя по всему, русским сказителям вообще было невдомек, каким именно словом из новой (христианской) или старой (сиречь ведической) православной веры именовать мать всех гор, глубинный смысл символов для них ничуть не менялся.

На следующий вопрос о топологии сакрального пространства-времени: какое Море всем морям мать, все списки Голубиной книги единогласно говорят:

Окіянь море всѣмъ морямъ мати...

Изменяется лишь написание слова «Окіянь» на весьма неожиданное, никак не объясняемое исследователями славянских древностей «Кіянь, Кіянь, Кіень».²⁰ Естественно, что большинство комментаторов говорит о явном заимствовании Голубиной книги из древнегреческой мифологии образа великой реки Океан, четырех райских рек, опоясывающих землю, и тому подобное. Однако никто не замечает или, скорее всего, не хочет замечать лежащую на поверхности связь между названием моря «Кіянь» и древним городом Кія — Киевом. Между тем, именно из этого анахронизма восстанавливается весь изначальный смысл, который вкладывался в имя титана Кеоса или Коя (Κοῖος), правителя северных земель, выступавшего воплощением земной оси, подпирающей небо, вокруг которой движется Солнце. Вокруг той же оси — Кія — движется, стало быть, и мать всех морей. Как раз на это указывает отделяемая славянская приставка «о» в слове «океан». Дословно *Океан* и есть «опоясывающий Кія».

Кіень моря морямъ мати.
Почему Кіень моря морямъ мати?

Что на Кіень на морѣ

Выходит разъ въ годъ церква соборная,
Соборная, богомольная;
Во той церкви вы саборной

Стоить гробница на воздухахъ бѣла каменна,

¹⁷ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С.115

¹⁸ Там же. С.115

¹⁹ Там же. С.116-118

²⁰ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С.119

Во той гробницѣ бѣлокаменной

Припочиваютъ мощи папа Клина Римскыя:
Потому Кіѣнь моря морямъ мати.²¹

Здесь комментаторов обычно привлекает вписанный в былинно-сказочный контекст образ христианского святителя Климента, сосланного в Херсонес и принявшего в Черном море мученическую смерть. Так что можно сделать умозаключение, будто в представлениях славян Кіѣнь-море отождествлялось исключительно с Черным морем. Неопределенность древних культур в том и состоит, что в них наслаиваются нарушающие привычную логику суждений ментальные образы, объединяющие разделенные во времени и пространстве точки в один объект, который не позволяет однозначно локализовать сакральное пространство. В результате восприятия таких объектов,

каждый видит то, что хочет увидеть. Так, в нарочито раздельном написании слова «бѣла каменна» языческий волхв

наверняка причитал бы «гробница бога Бела каменна». И действительно, в стихе о Правде и Кривде встречается следующее сравнение: «Кой бел заяц — это Правда была, а кой сер заяц — это Кривда была». После того, как Кривда победила Правду в мире людей, Правда была взята на небо («на воздухахъ»).

Как бы то ни было, уже первые переписчики Голубиной книги признавали ее двусмысленность, потому что в народной среде в ходу была устная традиция, размещавшая сакральные места на Русском Севере. Вот пример тому, с каким трудом приживалась на Руси христианская сакральная география, переворачивавшая с ног на голову ментальность северных племен, еще прекрасно помнивших свои собственные древние корни:

А Ильмень-озеро надъ озерамъ мать.
Да не тотъ Ильмень, кой подъ Новымъ градомъ,
И не тотъ Ильмень, кой во Большой Орды,
а есть тотъ Ильмень, кой въ Турецкой земли;
Изъ того Ильменя, изъ озера

Протекаетъ матушка Иорданъ-рѣка,

Потому Ильмень-озеро озерамъ мать.²²

Здесь отечественные исследователи, наоборот, вместо того, чтобы упрекать славян в незнании библейских источников и географии, начинают всячески подыгрывать сказителям. Договорились до того, что под Ильмень-

озером, озером Ирмень или Армень подразумевается: «Или гора Ермонь, откуда беретъ свое начало рѣка Иорданъ,

или то озеро, подъ которымъ, какъ говорятъ, протекала рѣка Иорданъ, и на которое перенесено, очевидно, названіе

горы Ермонь».²³

Более грубое притягивание за уши Ильмень-озера к реке Иордан сложно себе даже вообразить, особенно когда в летописных сборниках обнаруживаются такие подробности: «Озеро Ирмень, что подъ Новымъ городомъ,

²¹ Там же. С.123

²² Там же. С.131

²³ Там же. С.132

взяло въ себя триста рѣкъ» или «а озеро озерамъ мать Ілѣмень озеро, что подь кіевомъ градомъ, потому что взяла в

себя триста рѣкъ».²⁴ Где же это видано, чтобы гора Ермон стала озером, да еще под градом Киевом, а река Иордан,

ныне почти пересохшая, вобрала в себя триста рек? Не менее косноязычны толкования мифологического образа Индрик-зверя, живущего за морем Океаном на Святой горе, которого уже в средневековых книгах смешивали с Идропосом или Единорогом. Понятно, что всякому цивилизованному европейцу, считающему себя христианином, такая интерпретация кажется более предпочтительной, чем этимология, ведущая к ведическому богу Индре. В некоторых списках Индрик-зверь и вовсе заменен привычным образом льва. Однако, если воспринимать стих о Голубиной книге как многослойное преломление дохристианской мифологии славян, мы не в праве исключать толкование, связующее Индрик-зверя и другие образы Голубиной книги с ведическими мифологемами.²⁵

Вообще важна не сама по себе интерпретация мифа, а возможность непрерывного отображения смысловых нагрузок в языке — *топонимия* речи, открывающая перегородки скрытых значений архетипов сознания. Чем более сильно она развита, тем более глубокие уровни способно обозреть или *прочитывать* сознание внутри себя: само сознание (санскр. *іТt*, «*читта*») и есть *прочитывание* смысловых слоев (санскр. *іста*, «*читā*») внутри самого себя. В отличие от сравнительно молодых этносов, стремящихся самоутвердиться, заявить о своей исключительности или чистокровности, в коренном мифологическом сознании древних культур действует иная (квантовая) энергетика. Развитие древних общностей невозможно уместить в логику развития отдельных царств, империй, религиозных течений. Точно так же, как законы выживания всего рода часто не укладываются в логику выживания отдельного человека.

Проявленные в историческом времени классические культуры всегда обладают доминантными признаками по отношению к более древним культурам, неподдающимся четкому пространственно-временному описанию, и все же без более древних культур никогда не появилась бы ни одна историческая культура. Господствующие в европейской историографии представления о возникновении этнических общностей и цивилизаций, когда точкой отсчета признаются письменные источники, равносильно представлениям, существовавшим в физике до появления атомной теории и теории поля. В действительности все исторические структуры, подобно молекулам вещества или атомам в кристаллической решетке, состоят из напряженности смысловых полей, возникающих в совершенно других условиях сильных взаимодействий, где действуют не механические силы, а волны пространства-времени-сознания. Для существования и передачи подобных волн не нужны письменные источники, как для существования атомов не требуется существование кирпичей и дома, состоящих из этих атомов.

Большой прорыв в изучении реликтового пространства-времени-сознания был сделан в палеогенетических исследованиях и в палеографии. Но и здесь приходится сталкиваться с неопределенностью, которая не вписывается в данные, полученные с помощью методов математического моделирования. Оживленные дискуссии вокруг теории «митохондриальной Евы» и «Y-хромосомного Адама» могут преподнести немало сюрпризов. Как бы ни пытались ученые сблизить по времени возникновения палеогенетических Адама и Еву, между ними возникает существенный хронологический пробел в несколько десятков тысяч лет — это огромная метаисторическая пустота, требующая заполнения. Если Y-хромосома мужчины стала передаваться около 120 тыс. лет назад, то митохондриальная ДНК, передающаяся только по материнской линии, закрепились около 100 тыс. лет назад. Получается, что, по меньшей мере, 20 тыс. лет человеческий род размножался посредством другой митохондриальной ДНК.

Здесь необходимо заметить, что сами генетики, конечно же, отдают себе отчет в том, что «Y-хромосомный Адам» и «митохондриальная Ева» — это не два конкретных человека Адам и Ева, а лишь генетические признаки, следы которых сохранились в геноме современного мужчины и женщины, вернее, в той части генома, которая не перемешивается при передаче наследственной информации. Тем не менее, для создания палеогенетической теории ученые были вынуждены прибегнуть именно к мифологическим архетипам. Без этих приблизительных ментальных образов было бы непонятно, что палеогенетики пытаются исследовать; без существования в подсознании ученых соответствующих мифологем сама постановка задачи была бы другой либо вообще никогда бы не возникла. При

²⁴ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С.132

²⁵ В своем стремлении всячески представить славян умственно отсталым, «неисторическим народом» (по Гегелю) западноевропейская наука опускается порой до весьма сомнительных культурологических спекуляций. Будто у древних славян не могло быть даже своего солярного праздника Коляда, который якобы был заимствован из латинского названия первого дня месяца *calendae* «календы». В то же время в любом славянском диалекте найдется такое богатое словообразование с индоевропейскими корнями «*коло*», «*кал*», указывающих на круговращение («*колесо*», «*скалка*», «*колобок*» и т.д.), что в пору говорить о заимствовании самих «календ» из языка древних этрусков, лужичан или полабов, проживавших по соседству с Древним Римом. Кстати говоря, первый месяц Дельфийского календаря назывался «*апеллай*» — по аналогии с богом солнечного света Аполлоном, о заимствовании которого у гиперборейцев уже говорилось выше.

этом уже в самой мифологеме содержится вывод, к которому пришли ученые: помимо «митохондриальной Евы» у палеогенетического «Адама» существовала еще одна жена или «митохондриальная Лилит».

Если в мифологии шумеров Лилит считалась покровительницей человеческого рода, дарующей либо жизнь, либо смерть, то в каббалистических преданиях она уже окончательно приобретает демонические черты и предстает в виде темного духа, не пожелавшего жить вместе с Адамом, а ее основным проявлением в земном мире становится убийство новорожденных. Поскольку геном современного человека вмещает в себя признаки сразу нескольких палеогенетических групп, то вполне естественно, что рекомбинация генов рано или поздно может привести к частичному восстановлению последовательностей нуклеотидов, характерных для, казалось бы, исчезнувших рас. Такие рекомбинации могут вызывать и генетические болезни (гемофилия, которая передается как раз через ДНК женщин), и различные аномалии, причем не обязательно негативные. Так что в мифологических — порой очень нелепых — образах, в тех же титанах, поглотивших ветвь Диониса, можно найти архетипы, помогающие заполнить некоторые уровни неопределенности.²⁶

Мифологическое пространство-время позволяет находить направления дальнейшего развития культуры и мысли, однако этому невозможно научить человека, чье сознание сведено к созерцанию конкретной материально-сиюминутной действительности, этому нельзя научить машину, работающую по принципам последовательной логики. Принцип неопределенности действует не только в квантовой физике, он распространяется на явления, из которых состоит наше сознание, на биологические, астрономические, геополитические системы. Но можем ли мы влиять на неопределенность путем углубленного изучения архетипов? Можем ли мы, расширив свои ментальные способности, видоизменять будущее? Если западная цивилизация, научившись искусственно сужать у покоренных народов сознание, сеет в будущем планеты зерна хаоса, возможен ли обратный процесс?

Мы пока мало знаем об этом, мы мало знаем о подлинных возможностях человеческого сознания, о самих себе. Мы очень смутно представляем, что такое квантовая неопределенность и можно ли ее преодолеть.²⁷ Но мы можем совершенно точно сказать, что через архетипы сознания нам раскрывается важная информация, она не менее важна для нас, чем дискретная информация, упорядоченная рассудком и передаваемая буквами, цифрами, формулами. Мы можем совершенно точно сказать, что коллективное бессознательное и ментальная энергия сознания — не бесплодная выдумка психоаналитиков, что сакральная топология пространства-времени, как бы мы ее ни называли (Гиперборея, Атлантида, Шветадваipa, Шамбала) оказывает на человеческую культуру глубинное, практически неизученное, а может, принципиально неподдающееся изучению воздействие.

С чем сравнить это воздействие, где его сосредоточие? Говорят, что внутри центра гравитации, который можно представить точкой внутри сферы, все силы притяжения должны быть уравновешены, так что там должна существовать невесомость или «обратная гравитация» в направлении к внешней поверхности сферы. Но размеры такой области сопоставимы или меньше планковской величины. В этом смысле теоретически внутри любого материального тела: планеты, галактики, звезды, атомы вещества, — могут существовать целые вселенные (модель Фридмана-Маркова-Фридмана). То есть и наша обозреваемая вселенная, которая, как доказывают астрофизики, расширяется (притягивается, падает) во внешние области пространства, может являться такой же вложенной внутрь некоторой «сингулярной точки» структурой. Представления о подземных городах, мирах, цивилизациях

²⁶ Одной из загадок палеогенетики является появление человека со светлой кожей, что позволяет в условиях северных широт поглощать больше ультрафиолетового излучения. В настоящее время установлено, что еще 8-9 тысяч лет назад население архаичной Европы на территориях от современной Испании до Австро-Венгрии было преимущественно темнокожим. При этом теория миграции первых людей исключительно с Африканского континента не дает внятного объяснения закрепления мутаций, связанных с пониженной пигментацией кожи и усвоением коровьего молока для восполнения недостающего витамина D.

Как известно, ген, кодирующий белый цвет кожи, является рецессивным, то есть его скрещивание с доминантным геном повышенной пигментации ведет к вытеснению признака светлой кожи во всех последующих поколениях. Выходит, что единичная мутация рецессивного гена не растворилась в окружении доминантных генов, а наоборот, каким-то чудесным образом привела к появлению целой европеоидной расы. Впрочем, в свете последних палеогенетических открытий называть светлокожих людей «европеоидной расой» не совсем корректно. Признак светлой кожи мог сформироваться и закрепиться только в приполярных условиях либо, как вариант, при ведении подземного образа жизни на протяжении тысячелетий, либо в сочетании того и другого. На чрезвычайную длительность, которой должен сопровождаться этот процесс, указывает, например, то, что коренные народы, мигрировавшие на Север из Азии тысячи лет назад, продолжают сохранять карие глаза, умеренную пигментацию волос и кожи.

В эволюционной теории рецессивность гена свидетельствует о его большей архаичности по отношению к доминантному. Иначе ни одна из мутаций не могла бы закрепиться, она полностью исчезала бы в ближайших поколениях, вытесняемая «архаичной доминантой»: любое изменение вида подавлялось бы. Следовательно, сама эволюция была бы просто невозможна. Таким образом, с одной стороны рецессивность легко вытесняемого гена светлой кожи должна указывать на его древность, а с другой стороны генетический анализ говорит о том, что в основе генотипа современного человека лежит ген, который наиболее распространен у темнокожих африканских племен. Возникающее при этом противоречие устраняется, если допустить, что предки «африканского Адама», имеющего гаплогруппу А, в еще более отдаленную эпоху мигрировали в Африку из северных широт порядка 140-160 тыс. лет назад, в период масштабных климатических изменений. Они уже тогда имели достаточно светлую пигментацию и среди них уже тогда имела распространение гаплогруппа А (либо, в том числе, и еще более древние гаплогруппы). В пользу данной теории говорит обнаружение гаплогруппы А1 у нескольких финнов, норвежцев, англичан. И это при том, что среди коренных африканцев известно всего около двух десятков людей, обладающих той же подгруппой.

В отличие от расовой теории, разделяющей появление темнокожего и светлокожего человека десятками тысяч лет, теория существования северного ареала значительно сближает расы по времени возникновения и объясняет их совместимость в послеледниковую эпоху.

²⁷ Например, если перенести архетипические образы, помогавшие древним мыслителям изучать природу солнечных и лунных затмений, на движение электронов по атомным орбиталам. Такие волновые явления, подобные «солнечным» и «лунным» затмениям, должны существовать на уровне излучения электронами квантов света. Выявив закономерности в этих волновых процессах, мы как раз и получим возможность для более точного определения энергии частицы и ее локализации в пространстве-времени.

возникают в человеческом сознании как устойчивые архетипы. В индуизме планеты Солнечной системы считаются населенными сверхъестественными дживами, под землей размещали сакральное пространство-время практически во всех культурах.

Так интуиция от начала веков раскрывает перед человеком неисчерпаемые значения архетипов, какие бы фантастические формы они ни обретали в нашем сознании, само их существование говорит о том, что в них должна содержаться доля истины. Если сознание человека в особых состояниях, в которые могли впасть древние йогины, продолжает существовать в виде мнимой энергии, подобной энергии сновидений, то можно даже смоделировать планковский переход такой информации в другие внешние или внутренние миры.

Для обывательского рассудка все эти архетипы совершенно бессмысленны, с точки зрения здравого смысла бессмысленны многие поступки, которые люди совершают из поколения в поколения. В прагматичном мире людей еще так много места для технологий, машин, больших городов, но в нем почти не осталось места ни для души, ни для вечной любви, ни для загробного мира. Такой мир сам лишается всякого смысла, и мы видим самоуничтожение этого мира. Мы видим упадок нравственности, видим, как в братоубийственных войнах сталкиваются народы Земли, и никто — никто — не решается, не знает, как остановить это безумие! В таких условиях древние народы, ощущающие ответственность, лежащую на них, начинают интуитивно переосмысливать ментальные установки, мы начинаем пристальнее всматриваться в седую древность, в забытые сказки. Ведь каждый из нас становится пособником чудовищных преступлений, отрицая космичность человеческого сознания, переставая стремиться к истине, творить добрые дела и благородные поступки.

